ДРАГЕЙРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАД ТАЛТОШ

ТОМ 1

Джарег. Йенди. Текла.

ТОМ 2

Талтош. Феникс. Атира.

ТОМ 3

Орка. Дракон. Исола.

ТОМ 4

Дзур. Джагала. Иорич.

STEVEN BRUST

VLAD TALTOS

JHEREG • YENDI • TECKLA

СТИВЕН БРАСТ

ВЛАД ТАЛТОШ

ДЖАРЕГ • ЙЕНДИ • ТЕКЛА

ТОМ 1

FANZON
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Steven Brust

JHEREG
copyright © 1983 by Steven K.Z. Brust

YENDI
copyright © 1984 by Steven K.Z. Brust

TECKLA
copyright © 1987 by Steven K.Z. Brust

Опубликовано с разрешения автора и его литературного агента,
Литературное агентство Zeno Agency Limited (Великобритания) при содействии
Игоря Корженевского из Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод «Джарег» и «Йенди» *В. Гольдича* и *И. Оганесовой*
Перевод «Текла» *К. Плешкова*
Редактор *Кайл Иторр*
Дизайн *Дарьи Васильченко*
Карта 7Narwen
Иллюстрация во внутреннем оформлении © Kere'sa "Silver" Croft, 2007

Браст, Стивен.
Б87 Влад Талтош. Том 1 / Стивен Браст ; [перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой, К. Плешкова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-211206-5

Приключения остроумного Влада Талтоша, наемного убийцы, и его спутника-дракончика. Три начальных романа знаменитого цикла в одном томе.

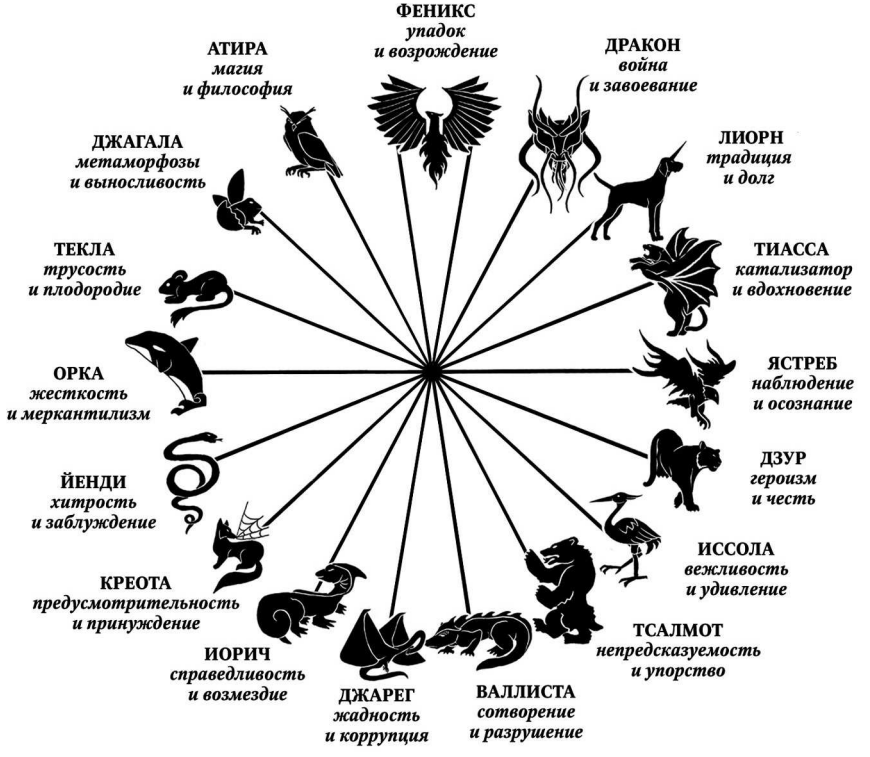
Драгейрианская Империя — мир, населенный практически бессмертными существами. А еще это дом Влада Талтоша — обычного смертного с совсем не обычной жизнью. Ведь он — член дома Джарега и наемный убийца. Владу и его драконоподобному компаньону предстоит выполнять невероятно сложные контракты, влюбляться, поддерживать восстания и даже умирать.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. Гольдич; И. Оганесова, перевод на русский язык, 2025
© К. Плешков, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211206-5

ЦИКЛ


ФЕНИКС
упадок
и возрождение
ДРАКОН
война
и завоевание
ЛИОРН
традиция
и долг
ТИАССА
катализатор
и вдохновение
ЯСТРЕБ
наблюдение
и осознание
ДЗУР
героизм
и честь
ИССОЛА
вежливость
и удивление
ТСАЛМОТ
непредсказуемость
и упорство
ВАЛЛИСТА
сотворение
и разрушение
ДЖАРЕГ
жадность
и коррупция
ИОРИЧ
справедливость
и возмездие
КРЕОТА
предусмотрительность
и принуждение
ЙЕНДИ
хитрость
и заблуждение
ОРКА
жесткость
и меркантилизм
ТЕКЛА
трусость
и плодородие
ДЖАГАЛА
метаморфозы
и выносливость
АТИРА
магия
и философия

ЦИКЛ

Феникс все больше и больше слабеет,
Крови надменный дракон вожделеет.
Лиорн с рычанием рог наклоняет,
План составляет тиасса, мечтая,
Ястреб пытливый с высот наблюдает,
Дзур незаметно в ночи пропадает.
С низким поклоном иссола разит,
Тсалмот неведомо как сохранит.
Валлиста рушит, затем созидает,
Джарег добычу чужую съедает,
Иорич забвению ход не дает,
Хитрый креота тенета плетет,
Йенди, свернувшись, незримо кусает,
Орка жестокий круги нарезает,
Текла малейшего вздоха робеет,
Джагала преображаться умеет,
Атира правит игрою умов,
Феникс восстанет из пепла веков.

ДЖАРЕГ

ПРОЛОГ

Есть некое сходство, если мне будет дозволено прибегнуть к незамысловатой метафоре, между ощущением ледяного ветра и ощущением лезвия кинжала, когда таковые касаются затылка. Если постараться, я могу вызвать воспоминания как о том, так и о другом. Ледяной ветер неизменно оказывается более приятным. Вот, скажем...

Мне одиннадцать лет, я убираю грязную посуду в ресторане отца. Вечер выдался спокойным, в зале всего лишь несколько посетителей. Небольшая компания только что освободила один из столов, и я направился к нему.

В углу устроилась парочка — он и она. Оба, естественно, драгаэряне. Люди редко к нам заходили; возможно, потому, что мы тоже были людьми, и они не хотели это подчеркивать — не знаю. Мой отец и сам избегал иметь дело с выходцами с Востока.

У дальней стены сидели трое. Драгаэряне. Я отметил, что посетители, вставшие из-за столика, который я убирал, не оставили чаевых. И тут услышал восклицание у себя за спиной.

Обернувшись, я заметил, как драгаэрянин из троицы, что занимала дальний стол, уронил голову в тарелку, где лежала нога лиорна с красным перцем. Отец разрешил мне приготовить соус, и в первый момент — вот глупость! — я испугался, что сделал что-нибудь не так.

Двое других быстро встали — казалось, они совсем не обеспокоены тем, что случилось с их приятелем, — и направились к двери. Тут я сообразил, что платить наши гости не собираются. Я поискал глазами отца, но он ушел на кухню.

Потом я снова взглянул на стол, размышляя над тем, что сделать прежде, — помочь задыхающемуся типу или попытаться перехватить двух других, которые уходили, не заплатив по счету.

И вдруг я увидел кровь.

Рукоять кинжала торчала из горла парня, лицо которого покоилось на тарелке рядом с ногой лиорна. До меня постепенно начало

доходить, что здесь произошло, и я решил — нет, пожалуй, не стоит требовать у покидающих нас джентльменов плату за ужин.

Они не бежали, даже не торопились. Просто быстро и спокойно прошли мимо меня к двери. Я не шевелился. Мне кажется, и не дышал. Помню, как вдруг отчетливо ощутил биение собственного сердца.

Неожиданно я понял, что один из них остановился у меня за спиной. Я замер на месте, мысленно вознося молитву Вирре, Богине Демонов.

В следующее мгновение что-то холодное и твердое коснулось моего затылка. Я был так напуган, что даже не вздрогнул, просто не мог. Мне хотелось закрыть глаза, но у меня ничего не получилось, я стоял и смотрел прямо перед собой. Только сейчас я заметил, что за мной наблюдает драгаэрянка. Она начала медленно подниматься со своего места. Спутник девушки протянул руку, видимо, хотел остановить, но она стряхнула ее.

Я услышал тихий ласковый голос у своего уха:

— Ты ничего не видел. Ясно?

С высоты моего нынешнего опыта могу совершенно уверенно сказать, что мне не угрожала настоящая опасность; если бы у того типа возникло желание меня прикончить, он бы уже сделал это. Однако я был молод и дрожал от страха. Я понимал, что мне следует кивнуть, но не мог. Драгаэрянка была уже почти рядом с нами — вероятно, стоявший у меня за спиной негодяй ее увидел, потому что лезвие кинжала исчезло, а в следующее мгновение послышались удаляющиеся шаги.

Меня отчаянно трясло. Высокая драгаэрянка мягко положила руку мне на плечо, и у нее на лице появилось сочувствие. Никогда прежде ни один драгаэрянин так на меня не смотрел — в некотором смысле ощущение оказалось не менее жутким, чем пережитое несколько минут назад. Мне страшно захотелось спрятать голову у нее на груди, но я сдержался. Тут только я услышал, что она говорит со мной, пытается успокоить.

— Не волнуйся, они уже ушли. Ничего больше не случится. Не беспокойся, с тобой все будет в порядке...

Из соседней комнаты выскочил отец.

— Влад, — позвал он, — что здесь происходит? Почему...

И застыл на месте — увидел тело. Его стошнило, и мне стало за него стыдно. Рука на моем плече напряглась. Я почувствовал, что перестал дрожать, и посмотрел на стоящую передо мной девушку.

Девушка? Судить о ее возрасте мне было трудно. Впрочем, поскольку она была драгаэрянкой, ей могло быть от ста до тысячи лет.

В одежде преобладали серые и черные цвета, из чего следовало, что она принадлежит к Дому Джарега. Ее спутник, который направился к нам, тоже был джарегом. Троица, еще недавно сидевшая в углу, принадлежала к тому же Дому. В этом не было ничего особенного: в основном наш ресторанчик посещали джареги да изредка теклы (каждый Дом драгаэрян носит имя одного из местных животных).

Спутник девушки остановился у нее за спиной.

— Тебя зовут Влад? — спросила она.

Я кивнул.

— А меня — Киера.

Я снова только кивнул. Она улыбнулась мне, а потом повернулась к своему спутнику. Они расплатились по счету и ушли. А я принялся убирать за умершим и моим отцом.

«Киера, — подумал я, — я тебя не забуду».

Когда спустя некоторое время явилась стража, я был на кухне и слышал отца, заявившего, что никто не видел, как произошло убийство, поскольку все находились на кухне. Однако я не забыл ощущение от прикосновения лезвия кинжала к затылку.

* * *

И еще одно мгновение.

Мне только-только исполнилось шестнадцать, я шагал через пущу, что раскинулась к западу от Адриланки. До города более ста миль, наступила ночь. Я наслаждался одиночеством и чувством легкого страха, размышляя о возможности встречи с диким дзуром, лиорном или, да охранит меня Вирра, с драконом.

Земля у меня под ногами то хрустела, то хлюпала. Я не пытался двигаться тихо; наоборот, надеялся, что шум моих шагов отпугнет любого опасного зверя. Теперь я бы не стал вести себя подобным образом.

Я поднял голову, но небо над Драгаэрской империей затянула сплошная пелена туч. Мой дедушка говорил, что на нашей родине, на Востоке, не бывает такого оранжево-красного неба, а по ночам можно увидеть звезды. И я смотрел на них его глазами. Он открывал мне свой разум, обучая колдовству. Именно желание познать все тайны колдовства и привели меня в возрасте шестнадцати лет в лесную чащу.

Небо давало достаточно света, и я видел землю под ногами. Я не обращал внимания на царапины, которые оставляла на лице и руках

листва. Тошнота, появившаяся после того, как я телепортировался сюда, постепенно проходила.

Получилось весьма забавно: я использовал драгаэрское волшебство, чтобы перенестись туда, где должен был проходить очередной этап моего обучения колдовству. Я поправил заплечный мешок и остановился на поляне.

Пожалуй, эта вполне подойдет, решил я. Круглое открытое пространство футов на сорок густо заросло травой. Я обошел прогалину, напрягая глаза и стараясь все как следует разглядеть. Не хватает только наткнуться на сеть креоты.

Но поляна была пуста. Я остановился и опустил мешок на землю. Достал маленькую жаровню, мешок с углями, черную свечу, палочку благовоний, мертвую теклу и несколько сухих листьев растения горинт, которое считается священным в некоторых религиозных культах Востока.

Я тщательно растер листья в порошок, потом обошел поляну и рассыпал порошок по ее границе.

Вернулся в центр. Уселся и довольно долго выполнял ритуал расслабления каждой мышцы, пока почти не вошел в транс. А когда тело сумело избавиться от напряжения, разуму ничего не оставалось, как последовать за ним. И тогда я начал медленно, по одному, укладывать угли в жаровню. Сначала некоторое время держал их в руках, стараясь ощутить форму и фактуру, так что мои ладони быстро перепачкались в саже.

Во время колдовства любая мелочь превращается в своего рода церемонию. Еще до того, как начинаются настоящие заклинания, все следует самым тщательным образом подготовить. Конечно, можно сосредоточиться на желаемом результате и надеяться на успех. Однако шансы в этом случае не слишком велики. Когда ведешь себя как положено, колдовство почему-то приносит куда большее удовлетворение, чем волшебство.

Уложив угли в жаровню, я добавил к ним благовония. Взяв свечу, долго и пристально смотрел на фитиль, приказывая ему зажечься. Естественно, я мог использовать огниво или волшебство, но мне хотелось создать у себя нужное настроение.

Мне кажется, чаща леса — весьма подходящее место для занятий колдовством. Прошло всего несколько минут, и фитиль задымился, а вскоре возник маленький язычок пламени. Я обрадовался, что совсем не почувствовал утомления, которое сопровождает любое серь-

езное заклинание. Еще недавно я так слабел после зажигания свечи, что мне не хватало сил даже на псионическое общение.

Я учусь, дедушка.

Потом я поджег угли при помощи свечи и мысленно приказал огню разгореться поярче. Когда пламя весело заплясало на углях, я поставил свечу на землю. Тонкий аромат благовоний коснулся ноздрей, и я закрыл глаза. Порошок из листьев горинта помешает случайному животному проникнуть на поляну и отвлечь меня. Я ждал.

Спустя некоторое время — не знаю, сколько прошло, — я открыл глаза. Угли мягко светились. Благовония напоили воздух сладостным ароматом. Звуки леса не проникали на поляну сквозь густой кустарник. Я был готов.

Пристально посмотрел на тлеющие угли, стараясь дышать ровнее, и начал произносить заклинание — очень медленно, как меня учили. Я бросал каждое слово, посылая его в пущу так, чтобы оно проникло как можно дальше. «Это старое заклинание, — говорил дед, — его используют на Востоке уже тысячу лет, не меняя ни единого звука».

Я старательно выговаривал каждое слово, позволяя языку и небу ощутить его во всей полноте, заставляя мозг оценить каждую посланную мысль. Покидая меня, они оставляли след в моем мозгу, точно сами по себе являлись живыми существами.

Последние отзвуки заклинания медленно умирали в ночной чаще, забирая с собой часть моего сознания.

Теперь я и в самом деле почувствовал страшную усталость. Как и всегда после сотворения заклинания такой силы, мне приходилось бороться с неотвратимым желанием впасть в глубокий транс. Я старался дышать ровно и глубоко. Как во сне, поднял мертвую теклу и отнес к краю поляны, где мог бы видеть ее со своего места в центре. И принялся ждать. Мне показалось, что прошло всего несколько минут, когда неподалеку послышался шелест крыльев. Открыв глаза, я увидел, как на землю рядом с мертвой теклой опустился джарег. Он смотрел на меня.

Некоторое время мы разглядывали друг друга, а потом он осторожно придвинулся к текле и отведал кусочек моего дара. Для особи женского пола джарег был среднего размера, для самца — довольно крупным. Если заклинание сработало, значит, прилетела самка. Размах крыльев джарега равнялся расстоянию от моего плеча до запястья — чуть меньше, чем от змееподобной головы до кончика хвоста.

Раздвоенный язык каждый раз касался тела грызуна, словно пробуя следующий кусочек мяса. Потом джарег откусывал, медленно жевал и проглатывал очередную порцию угощения. И все время внимательно за мной наблюдал.

Когда джарег почти закончил трапезу, я начал готовиться к псионической связи. Меня переполняли надежды.

Вскоре связь установилась. Я почувствовал короткую вопросительную мысль и позволил ей вырасти. Она стала различимой.

«Что ты хочешь?» — «услышал» я с поразительной четкостью.

Вот теперь мне предстоит настоящее испытание. Если джарег явился в результате заклинания, то это самка с гнездом, полным яиц, и мое предложение не вызовет у нее приступа безумной ярости. Если же мимо пролетал самец и заметил мертвую теклу, у меня могут возникнуть серьезные проблемы. Я прихватил с собой кое-какие травы, чтобы защититься от яда джарега, однако никто заранее не знает, каким будет результат.

«Мать, — подумал я, стараясь, чтобы моя мысль была максимально ясной, — я хотел бы получить одно из твоих яиц».

Она не бросилась на меня, и я не ощутил не удивления, ни разгорающейся ярости. Хорошо. Мое заклинание привело ее сюда, и она по крайней мере готова торговаться. Я почувствовал, как во мне растет возбуждение, но отчаянным усилием воли подавил его. И полностью сосредоточился на сидящей передо мной самке джарега. Теперь все зависело от того, что джарег думает обо мне.

«Что, — спросила она, — ты можешь ему предложить?»

«Долгую жизнь, — ответил я. — И свежее красное мясо без борьбы, и еще свою дружбу».

Она немного подумала, а потом сказала:

«А что ты попросишь взамен?»

«Я попрошу помощи в моих трудах, которую способен оказать мне твой ребенок. Я попрошу поделиться со мной мудростью, и я попрошу его дружбы».

Некоторое время ничего не происходило. Она стояла рядом с остатками теклы и смотрела на меня. А потом проговорила:

«Я подойду к тебе».

И подошла. У нее были длинные и острые когти, которые больше подходили для бега, чем для схватки. После сытной трапезы часто оказывается, что джарег слишком тяжел, чтобы взлететь в воздух, поэтому ему приходится убегать, спасаясь от своих врагов.

Самка остановилась рядом и посмотрела мне в глаза. У меня возникло очень необычное ощущение: в маленьких змеиных глазках светился разум, я общался почти на человеческом уровне с существом, чей мозг не превышал фаланги моего пальца. Я довольно долго не осознавал неестественности этой ситуации.

Спустя некоторое время самка «заговорила»:

«Подожди здесь».

Потом повернулась и распростерла свои крылья летучей мыши. Ей пришлось пробежать несколько шагов, прежде чем она сумела взлететь. Я остался один.

Один...

Я размышлял о том, что сказал бы мой отец, будь он жив. Конечно, не одобрил бы моих действий, считая колдовство слишком «восточным» занятием, в то время как сам он старался быть настоящим драгаэрянином.

Отец умер, когда мне исполнилось четырнадцать. Я не знал матери, хотя отец изредка что-то бормотал насчет «ведьмы», на которой женился. Незадолго до смерти он безрассудно потратил все, что сумел заработать за сорок лет владения рестораном, в попытке стать настоящим драгаэрянином — купил себе титул. Так мы получили гражданство и оказались связанными с Имперской Державой. Теперь мы могли прибегать к волшебству — мой отец всячески это приветствовал. Он нашел волшебницу Левой Руки Дома Джарега, и она согласилась давать мне уроки. Кроме того, отец запретил мне заниматься колдовством. Потом он отыскал старого воина, который обучал меня драгаэрскому стилю фехтования на мечах. Отрабатывать восточную манеру отец не позволял.

Но дед еще был жив. Однажды я сказал ему, что, даже когда вырасту, буду слишком маленьким и слабым и не смогу стать хорошим мечником-драгаэрянином, а волшебство и вовсе меня не интересует. Ни словом не осудив отца, он начал учить меня фехтованию и колдовству.

Умирая, мой отец был доволен, что я научился телепортироваться. Он не знал, что после телепортации мне всегда становится худо. Он не знал, как часто мне приходилось при помощи колдовства скрывать синяки, полученные от драгаэрской шпаны, которая подлавливала меня и избивала, давая понять, что она думает о пришедших с Востока слабаках с неуместными претензиями. И он наверняка не знал, что Киера учит меня двигаться бесшумно и просачиваться сквозь толпу так, чтобы никто не обратил на меня внимания. Мне это